

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РУССКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

В. В. Овсянников

Статья полемизирует с Линн Виссон относительно “культурологической” интерпретации отрицательных конструкций в русском и английском языках. В контексте упрямых фактов и незыблемых лингвистических максим «культурологический» подход имеет будущее в переводоведении и лингвистике.

Название статьи представляет собой каламбур на заголовок бестселлера Линн Виссон «Русские проблемы в английской речи» [1]. Моя переписка с Линн Виссон (по-настоящему, Еленой Владимировной, дочери эмигрантов с московскими корнями) началась два года назад с полемики по поводу этой книги. Высоко оценивая талант автора, её вклад в переводоведение, огромный опыт синхрониста ООН, а также юмор и личное обаяние, нахожу в организации интереснейшего материала неприемлемые теоретические позиции: **прямую экстраполяцию типологических особенностей языка на особенности менталитета его носителей.**

Красной нитью рассуждений автора проходит мысль о том, что английский язык является примером не просто другой, а **более высокой** формы менталитета, чем русский. Хотя ни разу эта мысль не выражена ясным тезисом (по соображениям политкорректности, очевидно), тем не менее, она проступает между строк последовательно и безапелляционно, как судебный вердикт. Проявляется это в следующем:

1) в заголовках глав: Глава II «Язык оптимистов и политкорректность», Глава III «Расставание с хроническим отрицанием», Глава IV «Быть не в пассиве, а в активе». Нетрудно догадаться, что язык оптимистов противопоставляется языку пессимистов, что «хроническое» отрицание и тяга к «безличности и неопределённости» - это показатели несовершенства русского языка;

2) в отождествлении советских стереотипов речевого поведения с грамматическим строем (например, упоминание повадок «мистера Нет») и стилистическими нормами русского языка (например, актуальность военной метафоры в политических регистрах);

3) трактовке феномена Moscow News English, как производного советской «двусмысленности»;

4) в противопоставлении американского «обычая высказываться честно и прямо» коммуникативным стратегиям русских;

5) в избирательном перечне исторических аллюзий, рисующих по незамысловатому принципу чёрно-белого контраста, с одной стороны, успешную нацию, у которой ничто не может подавить «пионерский, жизнеутверждающий дух», пронизывающий американское «мировосприятие и менталитет» и оказывающий «огромное влияние на развитие английского языка в Соединённых Штатах», а с другой стороны, нацию меланхоликов, языковые повадки которых выдают их «психологически тяжёлое наследие» тоталитарного режима, ГУЛАГа и войны с фашизмом;

6) в цитации: «Средний русский – это меланхолик, который надеется на лучшее, одновременно тщательно готовясь к худшему... «Вот так со мной всегда!» - печально восклицает русский, когда его постигает очередная неудача».

Некоторое представление о стилистических доминантах книги можно получить по следующему отрывку:

«Такие полярные понятия, как «активная деятельность» и «пассивная созерцательность», «личная ответственность и покорность судьбе», не только проявляются в разном образе жизни русских и американцев, но и глубоко вошли в их культуры и в языки. **Они отчётливо проступают и в грамматических структурах этих языков** (подчёркнуто мной – В. О.). Американский английский

изобилует сотнями конструкций, в котором подчёркнуто выражен активный деятель, но беден неопределённо-личными и безличными выражениями; русский язык, напротив, богат последними. «Активные» языковые конструкции плюс «позитивное мышление» создают «активный» лингвокультурный обиход. С первого класса американцев учат употреблять в устной и письменной речи активный, а не пассивный залог. «Активные» элементы языка и культуры, реагируя друг с другом, формируют специфический американский менталитет.» [2, 73].

В последние годы мне неоднократно приходилось выражать несогласие с «культурологическим» толкованием таких явлений, как Moscow News English, военная метафора, безличные и отрицательные конструкции. В настоящей статье речь пойдёт о последних. При этом я исхожу из сосюровского тезиса, который никогда не комментируется сторонниками и последователями Анны Вежицкой:

«Принцип произвольности знака никак не оспаривается... Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы... Означающее **немотивировано**, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [4, 101].

Итак, обратимся к тем сопоставлениям, в которых закономерным соответствием отрицательной конструкции в одном языке (русском или английском) выступает утвердительная конструкция в другом языке (английском или русском). При констатации этого сопоставления характерным следует считать такое наблюдение:

«В русском языке много «отрицательной» лексики, конструкций с *не* и двойным *не*; мысль часто выражается «от противного» [2, 18]:

Вы не знаете, сколько времени? - Could you tell me the time, please?
Не пропадай! - Keep in touch!
Не вешайте трубку! - Hold on!
Я не мог не сказать ему об этом. - I had to tell him about it!
Не менее важно, что... - It is equally important...
По газонам не ходить! - Keep off the grass!
Посторонним вход воспрещён! - Authorized personnel only.

Приводятся исключения:

Курить запрещается! - No smoking!

Никогда не встречал статистических данных на этот счёт, но примеров «исключений», когда в английском языке мысль выражается «от противного», а в русском – прямо, значительно больше, чем принято обозначать:

“Well, well, if it isn't my favorite jar-head himself” (F. Knebel, Ch. Bailey. Seven Days in May).

Реплика произносится в ситуации неожиданной встречи давних знакомых и соответствует утвердительной конструкции в русском: *«Кого я вижу – старина морпех!»*

“You wouldn't like to come with me, I suppose?” (W. S. Maugham. Theatre).

В такой форме герой делает предложение руки и сердца. В переводе Г. Островской это звучит так: *«Ты, вероятно, не захочешь поехать со мной?»* С точки зрения стилистических норм русского языка построение явно искусственное. Такой вариант мог появиться либо в результате спешки (обычное дело в профессиональном переводе), либо в результате стратегии остранения (модель Шлейермахера). В обоих случаях реакция русскоязычного реципиента будет неадекватной реакции читательской аудитории исходного текста. Несмотря на то, что герой не отличается пылкостью, наверное, следовало перевести: *«Слушай, поедem вместе!»*

В перечне закономерных соответствий, как правило, не упоминаются такие идиомы, как *before long* — *скоро, вскоре*; *one cannot be too careful* — *осторожность не помешает*.

По нашим наблюдениям, при переводе этих закономерных соответствий часто возникает пауза (особенно при чтении с листа), причина которой кроется, очевидно, в том, что английский способ выражения «от противного» представляется странным носителю русского языка, и требуется некоторое напряжение мысли, чтобы осуществить антонимическую трансформацию:

It was not long before an opportunity presented itself (W. S. Maugham. Theatre).

Вскоре ей представилась такая возможность.

A man cannot be too careful in the choice of his enemies (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray).

Тщательнее всего следует выбирать врагов.

В последнем случае часто наблюдается прямо противоположное толкование: *врагов не выбирают.*

В этом случае обнаруживается не только идиоматическая ошибка, но и неосведомлённость в парадоксальной стилистике Оскара Уайльда.

It was not till after that night when they had first supped together that Julia confessed to herself that she had fallen in love with Tom (W. S. Maugham. Theatre).

После ночи, которую они провели вместе вслед за ужином в ресторане, Джулия наконец призналась себе, что влюблена.

В английском языке наряду с такими формулами, как *Don't hurry / Don't worry / Don't make noise / Don't forget to take the key*, широко употребляемыми являются их утвердительные синонимы *Take your time / Take it easy / Take heart / Stay calm / Remember to take the key*. Для русского языка подобные средства замены отрицательных императивов утвердительными менее типичны [5]. Я склонен принять это рассуждение, но с обязательной оговоркой: в английском есть коммуникативные формулы и регистры с предпочтительным оформлением мысли в отрицательную конструкцию, тогда как их закономерным соответствием будет утвердительная конструкция в русском:

Why don't you sit down? - *Садитесь!*

Why don't you shut up? - *Заткнись!*

К сожалению, вместе с интересными наблюдениями делается обязательный реверанс в сторону «культурологического» толкования отрицательных конструкций: «Возможно и другое объяснение данного явления: предпочтение утвердительных конструкций отрицательным является отражением «позитивного мышления» или проявлением «коммуникативного оптимизма», являющегося одной из особенностей английского коммуникативного поведения» [6].

В 1939 году Курт Обермайер, студент 5-го курса факультета славистики Берлинского университета написал статью об отрицательных конструкциях в русском языке. Обермайеру не суждено было вернуться с фронта, но его статья была размещена в Интернете, и современный читатель имеет возможность познакомиться с попыткой непредвзятого осмысления рассматриваемой особенности русского языка.

С первой строки Обермайер обращается к центральному пункту несоответствий: «Иностранца, не слишком хорошо владеющего русским языком, обычно выдают фразы типа: “никто сказал мне”, “никто это говорит”, “никто знает” и тому подобные, являющиеся в данных случаях прямой калькой либо с английского: “nobody said to me”, “nobody is saying that”, “nobody knows”, либо с немецкого: “niemand hat mir gesagt”, “niemand sagt das”, “keiner weiß”, либо почти с любого другого европейского языка. По-русски же приведённые фразы звучат как: “никто не сказал мне”, “никто этого не говорит”, “никто не знает”, кардинальное отличие которых от английских и немецких аналогов – двойное отрицание: инверсия как подлежащего, так и сказуемого» [7].

Хорошо, что Обермайер сказал «почти», потому что в языках, на которых говорят соседи Англии отрицание может быть двойным: французское *ne...pas*, например; а в испанском скопление отрицаний может выражаться двумя, тремя и четырьмя словами:

Eso no es ningún placer para nadie. – *Это ни для кого не является удовольствием.*

No ha venido hoy ni tampoco ayer. – *Ни сегодня, ни вчера он не приходил.*

Lo ha hecho sin preguntar a nadie. – *Он совершил это, никого не спросив.*

El hombre no habla nunca con nadie. – *Этот мужчина никогда ни с кем не разговаривает.*

El hombre no pregunta nunca nada a nadie. – *Этот мужчина никогда ничего ни у кого не спрашивает.*

Как видно из приведённых примеров, между испанскими предложениями и их русскими соответствиями устанавливаются соответствия по пятому уровню В. Н.

Комисарова, т.е. возможен буквальный перевод. Обермайер допускает разные сценарии толкования алогизма в русском двойном отрицании, в том числе и **ошибку в методологии**, что следует из интереснейших выводов, которые заслуживают полной цитации:

1 Допустим, что все приведённые рассуждения верны. Тогда: либо должен существовать неизвестный пока, более совершенный аппарат формальной логики и теории множеств, использование которого по предложенной схеме не приведёт к противоречию с практикой русского языка; либо, всё-таки, не ко всем смысловым нюансам русского языка применим вообще какой-либо математический аппарат, и тогда мы имеем ещё один случай из ряда загадочных и не поддающихся нашему объяснению явлений русского характера.

2 В изложенном ходе логических построений может-таки скрываться тайный изъян. Одно из таких потенциально уязвимых мест – задействование логико-смыслового аппарата русского языка для попытки логического же анализа его самого.

3 Очевидно, что русские, употребляя в языковой практике описанные выше фразы, вряд ли подозревают о сокрытом в них (фразах, разумеется) алогизме. С другой стороны, применённый здесь аппарат формальной логики и теории множеств, безусловно, известен их физикам и математикам. Интересна была бы в этой связи попытка исследования координации и взаимодействия различных отделов головного мозга этих ученых в их языковой (как речевой, так и письменной) практике. Возможно, мы могли бы стать свидетелями примеров подсознательного подавления скрытых неосознанных алогизмов (или их невероятно эффективного и оперативного разрешения всякий раз в процессе живой речи или письма). Какую специфику привносит это в особенности индивидуальной (национальной) психики и характера, как отражается на всей совокупности того, что мы называем высшей нервной деятельностью? Особенно интересен был бы случай инициирования подобных исследований кем-либо из русских, осознавшим как-то существо вопроса.

В современной лингвистике принято говорить о трёх видах отрицания в английском, среди которых есть и двойное:

Прямое отрицание, как правило, относится к глаголу или перенесено на глагол мышления (*transferred negation*), или же выражается словами неопределённого значения (*non-assertive words*). **Скрытое отрицание** имеет место в утвердительных предложениях с наречиями негативного или минимизирующего значения или соответствующими глаголами и причастиями. **Двойное отрицание** возникает, когда слова негативного значения употребляются в отрицательном предложении. К отрицанию как к приему преуменьшения значимости (смягчения) обычно обращаются, когда необходимо ослабить эмоциональное воздействие стилистически окрашенных слов, выражающих (критичное) отношение, несогласие, неприязнь и пр.

[8]. Скрытое отрицание может выражаться “неявно” в утвердительных предложениях путем замены прямого отрицания, например, наречиями негативного значения, типа *hardly, barely, scarcely*, наречиями минимизирующего значения (*few, little*) или соответствующими глаголами и причастиями типа *fail, lack* и пр.:

He barely touched his drink, (cp.: He didn't touch his drink. = He drank nothing.);
His contribution could hardly be underestimated (cp.: His contribution could not be underestimated. = It is highly praised.);

The author failed to mention these facts. = The author did not mention these facts.

Двойное отрицание: возникает, когда слова негативного значения употребляются в отрицательном предложении:

Our new director **doesn't** look **unfriendly**, he **is not** likely to be **devoid** of human weaknesses.
(= He looks friendly and human.)

Примеры двойного отрицания в литературе:

*Not a man **didn't** desire her* (Steven Pressfield. Gates of Fire) = *All men desired her.*

*This event was in **nowise** atypical* (Steven Pressfield. Gates of Fire) = *This event was typical.*

По наблюдениям И. Р. Гальперина, английский язык обнаруживает большую тягу к литоте, чем русский. Конструкции типа *he was not without taste* настолько свойственны регистрам, где доминирует англоязычная политкорректность, что становятся объектом насмешек самих англичан. И. Р. Гальперин приводит забавный пример из газеты "The Spectator":

"His trick of seizing upon a phrase that has struck him (erroneously, as a rule) as a happy one, and doggedly sticking to it thereafter is one typical of a speaker who lacks all confidence. On Monday it was "not unpromising"; three times he declared that various aspects of the Summit preparations were "not unpromising", and I was moved in the end to conclude that Mr. Lloyd is a not unpoor Foreign Secretary, and that if he should not unshortly leave that office the not unbetter it would be for all of us, not unhim included" [9, 247 - 248].

ВЫВОДЫ

1 «Культурологическая» трактовка русских отрицательных конструкций Анной Вежбицкой имеет преемников и единомышленников. Наличие таковых в США - дело весьма предсказуемое и понятное: американцам удобно мыслить о русском языке в рамках стереотипов, созданных ими самими, и «культурология» Вежбицкой принимается ими на «ура», потому что отвечает этим стереотипам.

2 Вежбицкая – талантливый филолог и кропотливый исследователь. Тем опаснее страшноватая каббалистика её семантических примитивов, когда бесстрастная констатация межъязыковых соответствий подменяется фанатическим поиском доказательств, удовлетворяющих русофобию.

3 Междометия и звукоподражание – два класса языковых единиц, о мотивированности которых время от времени возникают жаркие дискуссии. Других единиц, мотивированных материальным миром или менталитетом, нет. Это в полной мере относится к отрицательным конструкциям.

SUMMARY

The article takes issue with Lynn Visson on cultural interpretation of negative structures in Russian and English. The author argues that in terms of hard and fast facts and linguistic rules there is little room to believe that "cultural" approach to negative structures has a future in translatology and linguistics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виссон, Линн. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. – М.: Р. Валент, 2003. – 193 с.
2. Виссон, Линн., *ibidem*.
3. Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 101 – 102.
4. Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода – 2000. М.: Р. Валент, 2000. – 184 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 177 – 179.
6. Ларина Т. В., *ibidem*.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

7. http://wwh.nsys.by/savchenko/other_projects/Nach_Osten/Neopublikovannaya_statya.htm
8. Ларина Т. В., *ibidem*.
9. Galperin I. R. Stylistics. – М.: Higher School, 1977. – 332p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ КОМПОЗИТОЛОГИИ

*Л.Ф.Омельченко,
В.А.Самохина (Дмитренко)*

В английском языке процессы словосложения соотносятся с тенденциями к номинализации, цельнооформленности наименования и стяжения многословных наименований, а также с универсальной тенденцией языков к экономии языкового